

УДК 101.8

**Экологическая этика через призму русской философии:
В.И. Вернадский, П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев**

Гришатова Юлия Леонидовна grishatova_yul@pfur.ru

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

Аннотация. В рамках доклада рассматриваются основные идеи и концепты, напрямую связанные с формированием экологической этики как отдельного философского и междисциплинарного направления исследований, представленные в отечественном философском наследии, на примере работ трех философов: В.И. Вернадского, П.А. Флоренского и Н.А. Бердяева. Предполагается, что в русской философской традиции идеи экофилософии представлены в их множестве и разнообразии, и в то же время — целостности: от интуиций взаимоотражения микрокосма и макрокосма и взаимодействия человека и природы «на равных» до создания ноосферы как гармоничной системы взаимодействия человека с природой на планетарном уровне, основанной на человеческом разуме.

Ключевые слова: экологическая этика, русский космизм, ноосфера, макрокосм и микрокосм, культура, цивилизация

**Environmental ethics through the lens of Russian philosophy:
V.I. Vernadsky, P.A. Florensky, N.A. Berdyaev**

Grishatova Yulia L. grishatova_yul@pfur.ru

RUDN University: Peoples' Friendship University of Russia

Abstract. This paper examines the key ideas and concepts directly related to the development of environmental ethics as a distinct philosophical and interdisciplinary field of research, presented in Russian philosophical scholarship, using the works of three philosophers as examples: V.I. Vernadsky, P.A. Florensky, and N.A. Berdyaev. It is assumed that the Russian philosophical tradition presents ecophilosophical ideas in their multiplicity and diversity, yet also in their integrity: from the intuitions of the mutual reflection of the microcosm and macrocosm and the interaction of man and nature “on equal terms” to the creation of the noosphere as a harmonious system of human interaction with nature at the planetary level, based on human reason.

Keywords: environmental ethics, Russian cosmism, noosphere, macrocosm and microcosm, culture, civilization

Введение. В современном мире проблематика социальной экологии как научной дисциплины, изучающей взаимоотношения человека с окружающей средой, становится особенно важной и актуальной в связи с тем, что эти взаимосвязи начинают рассматриваться в контексте глобальных экологических

проблем. Термин «социальная экология» впервые использовали американские ученые Р. Парк и Э. Берджесс в 1921г.: под этим термином они понимали прежде всего процесс развития больших городов как центров взаимодействия общества и природы. Различные ученые и исследователи на протяжении всего XX века занимались вопросами экологической этики; эта тема была актуальна и у нас в стране, и во всем мире. Основная идея экофилософии, базирующаяся на идеале гармоничного полноценного взаимодействия человека с природным космосом, ярко выражена в русской философии конца XIX — начала XX вв.: в идеях русских космистов и философов «русского религиозного ренессанса».

Материалы и методы. Труды русских философов и ученых-космистов, исследования и разработки современных исследователей. Методы: историко-философские и историко-научные, экоэтические, системные.

Результаты. Учение В.И. Вернадского о космическом единении человека и природы, их взаимодействии и эволюционном преобразовании в разумную экосистему — ноосферу — является одним из определяющих в том философском базисе, из которого, на наш взгляд, впоследствии возникает экологическая этика. Биосферу Вернадский определяет как биологическую оболочку нашей планеты, которая тесно связана с совокупностью всего живого, частью которой является и человек: «Живое вещество биосферы есть совокупность живых организмов, в ней живущих... Человек как всякое живое природное (или естественное) тело неразрывно связан с определенной геологической оболочкой нашей планеты — биосферы, резко отличной от других ее оболочек, строение которой определяется ее своеобразной организованностью и которая занимает в ней как обособленная часть целого закономерно выражаемое место» [1, с. 8–9]. Но с течением времени биосфера эволюционирует, и происходит это под прямым воздействием человеческого разума и воли: биосфера преобразуется в ноосферу, в которой помимо жизни и всего живого есть еще и разум. Возникновение ноосферы представляется как начало разумного и гармоничного взаимодействия человеческого разума и природы, всего Универсума: «В последние тысячелетия наблюдается интенсивный рост влияния одного видового живого вещества — цивилизованного человечества — на изменение биосферы. Под влиянием научной мысли и человеческого труда биосфера переходит в новое состояние — в ноосферу... Биосфера перешла или, вернее, переходит в новое эволюционное состояние — ноосферу — перерабатывается научной мыслью социального человечества» [1, с. 13–16]. Таким образом, ноосфера представляет собой новую, гармонично существующую, управляемую цивилизованным человеческим разумом экосистему, в которой человек и природа, человеческий разум и весь космос — Универсум объединены воедино; при этом человек не «подчиняет» себе природу, а гармонично и «на равных» взаимодействует с ней, придавая созданной тварной природе разумное начало. Кроме того, важно заметить, что человек несет ответственность за благополучное и разумное существование этой системы и за тот «баланс», который имеется в ней между человеком и природой. Мы

видим здесь философию встроенности человека в мир, базирующуюся не на антропоцентристских, а на космоцентристских основах; сам космоцентризм как альтернатива антропоцентризму ярко проявляется в философии русского космизма и в русской философии в целом (вспомним К.Э. Циолковского, который также мечтал о гармоничном объединении и взаимопроникновении человека и космоса; ему принадлежат термины «космическая этика», «космическая философия»).

Идею взаимопроникновения макрокосма и микрокосма мы отчетливо видим в философии П.А. Флоренского, причем она отражается как в его философии техники, так и в религиозной философии. В теории познания Флоренского («Пределы гносеологии», 1913 г.) отражения и взаимопроникновения микрокосма (субъекта) и макрокосма (объекта) участвуют в постоянном движении по иерархии (или лестнице) уровней познания; один из крупных отечественных исследователей Флоренского, академик А.Н. Паршин писал: «...Акт приобретения нового знания в процессе взаимодействия субъекта с объектом является актом двойного отражения. Человек выходит из себя, осматривает объект и возвращает то, что он узрел, в себя» [2, с. 78–79]. Также можно вспомнить работу П.А. Флоренского «Органопроекция» (1919 г.), в которой он представляет особый и интересный взгляд на отношения человека и техники: то, что создает человек вне себя (орудия, вещи, инструменты) является отражением и продолжением того, что есть внутри него — частей тела и органов: «Орудия расширяют область нашей деятельности и нашего чувства тем, что они продолжают наше тело... Если же речь идет о познании действительности, то тогда не организм и его органы должно понимать из механизма, а как раз наоборот должно в механизме видеть отображение, сколок, тень какой-либо из сторон организма» [3, с. 402–407]. В этой идее тоже выражается определенная неразрывная взаимосвязь человека и создаваемых им вещей: они должны быть не «над» природой и не противопоставляться ей, а быть с ней в союзе и гармонии; природа — первична, техника — вторична, и мы должны рассматривать ее как живое продолжение в мир нас самих, которое способствует процессу самопознания: «Если изучение организмов есть ключ к техническому изобретению, то и обратно, технические изобретения можно рассматривать как реактив к нашему самопознанию. Техника может и должна провоцировать биологию, как биология — технику. В себе и вообще в жизни открываем мы еще неосуществленную технику; в технике — еще не изученные стороны жизни. Линия техники и линия жизни идут параллельно друг другу; но соответственные точки той и другой могут забегать вперед и отставать относительно друг друга» [3, с. 421]. Таким образом, снимается противоречие между человеком, природой и техникой; все это провозглашается в гармоничном синтезе и единстве — тех идеях и понятиях, в которых раскрывается специфика и уникальность русской философии.

Говоря о религиозной философии П.А. Флоренского, следует отметить, что он всегда объединял человека и всех живых существ на планете единым понятием — «творение Божье», опираясь на Священное писание. В «Столпе

и утверждении Истины» он писал о едином Божьем завете для всех живых существ — как человека, так и природы. Любовь, которая у Флоренского предстает одной из главных онтологических категорий, не только отражает отношение каждой «тварной личности» к Богу, но и объединяет их между собой, образуя уникальное «единство в любви» между человеком и всеми другими живыми творениями. И это очень важно для Флоренского — подчеркнуть единство природного и человеческого, акцентировать взаимосвязь в любви всего живого на Земле.

Для другого известного русского философа Н.А. Бердяева одними из главных ценностей выступали категории человеческого творчества и человеческой свободы. Он говорит о человеке как о космическом существе, которое призвано управлять всей поверхностью земного шара; говоря о взаимодействии человека с миром, он также говорит о необходимости космического преобразования индивидуального и общественного сознания, которое «должно прийти к идее космической общности, т. е. общности, размыкающейся и вступающей в единение с мировым целым, с мировыми энергиями» [4, с. 398]. В книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931), Бердяев вслед за Циолковским говорит о необходимости создания новой космической этики, призванной раскрыть «любовь ко всякой твари вообще, любовь к животным, к растениям, к минералам, к земле, к звездам... Это есть проблема космической этики, которая должна быть поставлена» [5, с. 167]. И, в противоположность Флоренскому, отмечает, что в христианском сознании не было выработано этического отношения ко всему тварному миру: «Христианство укрепилось и победило через аскетическое отношение к космической жизни, через отталкивание от природного и тварного, хотя бы то был природный, тварный человек, и совсем не выработало этики любви к космическому, к тварному, ко всему живому» [5, с. 167]. Это человеку еще предстоит выработать и создать, опираясь в первую очередь на вневременные основополагающие духовные базисы.

У Бердяева тема экологической этики также тесно связана с темой взаимодействия или, вернее сказать, противопоставления культуры и цивилизации, которая была невероятно популярна в конце XIX — начале XX века (О. Шпенглер, А. Тойнби, Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев и др.). Потребительское и высокомерное отношение человека к природе Бердяев связывает с приходом механистичной и бездуховной цивилизации, которую он противопоставляет культуре; по его мнению, это как раз один из признаков прихода цивилизационного этапа, который он вслед за Шпенглером связывает с закатом и гибелью любой культуры: «Фаустовская душа пришла к осушению болот, к инженерному искусству, к материальному устройству земли и материальному господству над миром... И осушение болот лишь символ духовного пути Фауста, лишь ознаменование духовной действительности. Фауст в пути своем переходит от религиозной культуры к безрелигиозной цивилизации. И в безрелигиозной цивилизации истощается творческая энергия Фауста, умирают его бесконечные стремления» [6].

Обсуждение. Таким образом, в идеях всех трех философов мы видим одно общее стремление — мечту о гармоничном синтезе природы и человека, проявляющееся не только в концепте взаимодействия «на равных», но и как взаимодополнение, «взаимоотражение» человека и окружающего его живого мира, которое творится не только на уровне природы, но и на уровне духа. У Бердяева, так же, как и у Флоренского и Вернадского, именно человек, как разумное существо, наделенное высшим творческим потенциалом и способностью к преобразованию, несет ответственность за судьбу Земли.

Заключение. Рассмотрев идеи русских философов конца XIX — начала XX вв., касающиеся взаимодействия человека с природой и окружающим миром как одного из главных вопросов экологической этики, можно сделать вывод, что для русской философии в целом характерна идея единения — неразрывного синтеза человека и природы, всего Универсума; чаще всего это концептуируется философами как процесс, который должен проходить, с одной стороны, извне — на планетарном уровне, а с другой, изнутри — в душе человека. Здесь сказывается приоритет духовного над материальным, свойственный для русской философской традиции; поэтому для русских философов такое единение представляет собой в первую очередь духовную связь, которая соединяет воедино три ипостаси Бытия: человека, природу и божественное начало.

Список источников

- [1] Вернадский В.И. *Научная мысль как планетное явление. Собрание сочинений. В 24 т. Т. 10.* Москва, Наука, 2013, 475 с.
- [2] Паршин А.Н. *О группах симметрий орнаментов в археологии и этнографии.* Москва, МЦНМО, 2025, 232 с.
- [3] Флоренский П.А. *Сочинения в 4 т. Т. 3(1).* Москва, Мысль, 2000, 621 с.
- [4] Бердяев Н.А. *Судьба России.* Москва, Эксмо-Пресс; Харьков, Фолио, 2001, 735 с.
- [5] Бердяев Н.А. *О назначении человека.* Москва, Республика, 1993, 383 с.
- [6] Бердяев Н.А. *Предсмертные мысли Фауста.* URL: <https://litlife.club/books/114529/read> (дата обращения 24.09.2025).